

УДК 343.23

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ:
ПОНЯТИЕ И ВИДЫ***И.А. Тарханов***Аннотация**

В статье раскрывается понятие уголовно-правовой квалификации и ее виды. Автор дает собственное определение квалификации преступлений и показывает ее этапы, которые связаны с установлением основных элементов состава преступления.

Ключевые слова: уголовно-правовая квалификация, квалификация преступлений, состав преступления, основание уголовной ответственности.

Юридическая (правовая) квалификация как оценка того или иного типа социального поведения с точки зрения права (закона) имеет свои разновидности. Критерием такого деления может быть избрана отраслевая принадлежность нормативного акта. Так, в сфере административного права – это административно-правовая квалификация, в области гражданского права – гражданско-правовая и т. д. Поскольку юридическая квалификация имеет гносеологический (познавательный) и аксиологический (ценностный) аспекты, то оценка правовой природы поведения является его важной составляющей.

В теории уголовного права используется термин «уголовно-правовая квалификация». Однако анализ литературы убеждает в том, что с его помощью обозначаются правовые понятия, имеющие различную правовую природу.

Так, в некоторых работах по теории квалификации преступлений можно обнаружить, что понятие «уголовно-правовая квалификация» фактически отождествляется с понятием «квалификация преступления». «Поскольку уголовный закон определяет преступность и наказуемость деяний, постольку, – считает А.А. Толкаченко, – уголовно-правовая квалификация всегда выступает как квалификация преступления» [1, с. 9].

Иного мнения придерживается Р.А. Сабитов. Он полагает, что «уголовно-правовую квалификацию нельзя сводить только к юридической оценке общественно опасных деяний, предусмотренных Особенной частью УК». В связи с этим им высказывается мнение, что уголовно-правовая квалификация является родовым понятием, «охватывающим как квалификацию преступлений, так и неправомерного (посткриминального) поведения». Автор убежден, что уголовно-правовой квалификации подвергаются правомерные общественно полезные действия, к числу которых он относит и акты положительного посткриминального поведения. «В квалификации, – развивает эту мысль Р.А. Сабитов, – нуж-

дается необходимая оборона, крайняя необходимость и другие обстоятельства, исключают преступность деяния» [2, с. 7–9].

В качестве самостоятельных видов уголовно-правовой квалификации в литературе предлагается рассматривать также квалификацию содеянного невменяемыми, а также квалификацию малозначительных деяний [3, с. 21].

Эти подходы, хотя и с некоторыми уточнениями, поддерживаются другими учеными. В частности, отмечается, что необходимая оборона, а равно и другие обстоятельства, предусмотренные уголовным законом, «значимы не сами по себе», а в связи с совершением при этом действий, причиняющих вред посягающему или охраняемым уголовным законом интересам. «Такое поведение, – пишет Е.В. Благов, – несомненно, подлежит уголовно-правовой квалификации». Он рассматривает эту проблему в рамках анализа применения гипотезы нормы уголовного права и также приходит к выводу, что квалификация преступления не исчерпывает всего содержания уголовно-правовой квалификации [4, с. 95–96].

Существует мнение, что категорию квалификации следует определять как правовую оценку, осуществляемую в определенной сфере права. К примеру, Л.Д. Гаухман полагает, что «уголовно-правовая оценка содеянного складывается из двух компонентов: 1) отграничения преступного от непроступного и 2) квалификации преступного, то есть квалификации преступления... Признание содеянного непроступным исключает необходимость решения всех других вопросов уголовного права» [5, с. 6]. Из изложенного можно сделать вывод, что уголовно-правовая квалификация (как вид деятельности) начинается с решения вопроса об отграничении преступного от непроступного. Подобной позиции придерживается и Н.Ф. Кузнецова. Она рассматривает вопросы квалификации малозначительных деяний (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и ряда других проступков, *граничащих* с преступлениями, в контексте более широком, чем собственно квалификация преступлений [6, с. 198–278].

Таким образом, преобладает мнение, что в содержание понятия уголовно-правовой квалификации в литературе следует включать различные виды правоприменительной деятельности, а не только квалификацию преступления. Решение этого дискуссионного вопроса имеет существенное значение для понимания правоприменения в сфере уголовного права, и в том числе для характеристики деятельности, именуемой собственно квалификацией преступления.

Уголовно-правовая квалификация справедливо рассматривается в теории как частный случай юридической квалификации [7, с. 6], особая ее разновидность. Следовательно, она должна располагать существенными чертами, характеризующими юридическую квалификацию как вид деятельности. Вместе с тем уголовно-правовая квалификация должны быть присущи и иные, специфические признаки.

Известно, что юридическая квалификация осуществляется с опорой на право. Юридической основой уголовно-правовой квалификации является уголовное законодательство, система которого представлена в ст. 1 УК РФ. Будучи формой юридической оценки того или иного типа поведения с позиции *уголовного* закона, уголовно-правовая квалификация вместе с тем не утрачивает качества социальной его оценки.

Как отмечалось ранее, посредством юридической квалификации определяется социально-правовая *природа* содеянного, то есть его принадлежность к тому или иному типу поведения. Отсюда следует, что не всякая деятельность, опирающаяся на норму уголовного законодательства, не любая уголовно-правовая оценка может рассматриваться как уголовно-правовая квалификация. Так, в ч. 2 ст. 2 УК РФ отмечается, что закон «устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». Применение этих мер (равно как и освобождение от уголовной ответственности и наказания) находится *вне рамок* уголовно-правовой квалификации, хотя учет тех или иных обстоятельств и предполагает их своевременную уголовно-правовую оценку. Они могут влиять на решение вопроса об уголовной ответственности. Следовательно, не любая уголовно-правовая оценка тождественна уголовно-правовой квалификации.

Уголовно-правовая квалификация предшествует деятельности по определению тех мер воздействия, которые установлены УК РФ как правовые *последствия* совершения деяния. Мера ответственности устанавливается правоприменителем с учетом требований УК (к примеру, на основе общих начал и специальных правил назначения наказания) и на базе соответствующей уголовно-правовой оценки выявленных фактических данных (к примеру, смягчающих и отягчающих обстоятельств). Иными словами, представляется, что содержание понятия «уголовно-правовая оценка» шире, чем ее проявление в уголовно-правовой квалификации. В этом смысле последняя представляет собой одну из форм реализации уголовно-правовой оценки.

Уголовно-правовая оценка явления содержится (излагается) в соответствующем акте квалификации. Ее пределы определяются в первую очередь содержанием самого уголовного закона. Объектом уголовно-правовой квалификации могут быть только поведенческие акты, но не события (как разновидность юридического факта). Согласно ч. 2 ст. 2 УК РФ «настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями...».

Исходя из этого представляется дискуссионной точка зрения Р.А. Сабитова, что в содержание уголовно-правовой квалификации следует включить квалификацию «смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств, названных в ст. 61, 63 и 64 УК РФ» [2, с. 8]. Во-первых, не все они характеризуют посткриминальное *поведение* виновных лиц. Часть из них относится к категории юридических фактов, именуемых в праве событиями (к примеру, несовершеннолетие, беременность). Во-вторых, хотя некоторые обстоятельства, перечисленные в п. «и», «к» ст. 61 УК (явка с повинной, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления и др.), представляют собой позитивный (и поощряемый уголовным законом) посткриминальный акт поведения виновного лица. Они требуют уголовно-правовой оценки. Однако их наличие (либо отсутствие) не изменяет правовой оценки содеянного именно как преступления, то есть не изменяет природы деяния. В-третьих, среди обстоятельств, отягчающих наказание, закон (ст. 63 УК РФ) называет только те, которые так или иначе сопряжены с уже совершенным преступлением.

Какие-либо отдельные посткриминальные поступки, требующие особой «квалификации», среди них не значатся. Конечно, при назначении наказания названные обстоятельства должны быть соответствующим образом оценены, им должна быть дана уголовно-правовая оценка, но таковая не является квалификацией.

Таким образом, уголовно-правовую квалификацию следует рассматривать как особый (частный) случай юридической квалификации. Поскольку последняя определяется как оценка природы социального явления с точки зрения права, то уголовно-правовая квалификация заключается в том, что посредством правовой оценки определяется уголовно-правовая природа поведения людей. Она осуществляется сквозь призму, на основе содержания соответствующих предписаний уголовного закона.

Как отмечалось, для осуществления задач, поставленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, уголовный закон «определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями...» (ч. 2 ст. 2 УК). Поэтому содержанием уголовно-правовой квалификации должно охватываться, во-первых, *отграничение преступного от непроступного* [5, с. 6].

Эта деятельность включает в себе решение комплекса вопросов, качественно отличающихся друг от друга и имеющих собственную правовую базу. К их числу следует отнести отграничение преступлений от: а) иных правонарушений и аморальных проступков; б) малозначительных деяний; в) причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния; г) общественно опасных посягательств невменяемых, а также лиц, не достигших возраста уголовной ответственности; д) случаев невиновного причинения вреда.

1. Правовой основой отграничения юридически разнородных, но социально вредных по своим свойствам поступков является в первую очередь определение понятия преступления, которое изложено в ч. 1 ст. 14 УК РФ: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Законодательные признаки преступления (общественная опасность, уголовная противоправность, виновность и наказуемость) в принципе позволяют провести четкие разграничительные линии между социально негативными деяниями (преступление с одной стороны, административное правонарушение, гражданско-правовой деликт, аморальный поступок – с другой). Конечно, установление (оценка) социально-правовой природы названных деяний с точки зрения уголовного закона представляет известную сложность. Вместе с тем, как свидетельствует опубликованная судебная практика, квалификационные ошибки при этом виде деятельности совершаются не так часто.

2. Иное положение можно обнаружить при отграничении преступлений от иных деяний, которые располагают некоторыми формальными чертами сходства с уголовно-наказуемыми деяниями. При их характеристике законодатель обычно использует словосочетание *не является преступлением*.

Так, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Проблема отграничения подобных *малозначительных деяний* от фактов преступного посягательства не только представляется сложной в теоретическом отношении, но и имеет немаловажное практическое значение. Поэтому данной проблеме уделяется серьезное внимание в работах Н.Ф. Кузнецовой [6] и ряда других ученых.

3. По сути дела, аналогично излагается в законе начальная часть формулировки обстоятельств, исключающих преступность деяния. «Не является преступлением, – предписывается, к примеру, в ч. 1 ст. 37 УК РФ, – причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны...» Подобная формула избирается законодателем и при характеристике правомерного причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании (ч. 1 ст. 38 УК), причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости (ч. 1 ст. 39), в результате физического принуждения (ч. 1 ст. 40), при обоснованном риске (ч. 1 ст. 41). Данным деяниям также не свойственен признак (свойство) общественной опасности. Наоборот, они общественно полезны, хотя уголовным законом не вознаграждаются [8].

4. В определенных случаях совершенное деяние первоначально может быть расценено как преступление при наличии в нем только признаков общественной опасности и уголовной противоправности. Чаще всего это происходит в связи с неустановлением лица, совершившего это деяние. Однако в процессе уголовного преследования может обнаружиться, что данное лицо не достигло возраста, требуемого законом для наступления уголовной ответственности, или признано невменяемым. В подобных случаях уголовно-правовая квалификация вначале обретает вид квалификации преступления. Это решение закрепляется (фиксируется) в соответствующем уголовно-процессуальном акте в виде ссылки на статью (часть, пункт) УК РФ. На тот момент оно имеет под собой законные основания. Но при установлении факта недостижения возраста уголовной ответственности (ст. 20, 21 УК РФ) либо невменяемости (ст. 21 УК) эти лица субъектами преступления не признаются, уголовной ответственности не подлежат. Уголовно-правовая оценка же содеянного по статьям Особенной части УК сохраняется, поскольку нарушен запрет, изложенный в их диспозиции.

Представляется, что вопросы отграничения преступления от общественно опасных и запрещенных уголовным законом посягательств со стороны лиц, признанных в последующем невменяемыми или не достигшими возраста уголовной ответственности, также должны рассматриваться в плоскости отграничения преступного от не преступного. Подобные деяния общественно опасны и уголовно противоправны. Вместе с тем они не признаются преступлениями в связи с отсутствием других предусмотренных законом (ч. 1 ст. 14 УК РФ) признаков – виновности и наказуемости.

Конечно, нельзя не отметить, что законодатель при уголовно-правовой оценке природы (юридической принадлежности) подобных деяний избегает формулы «не является преступлением...», как это имеет место в ч. 2 ст. 14, ст. 37–42 УК РФ. Однако используемый в законе императив «не подлежит уголовной ответственности...» (ст. 21, ч. 3 ст. 20 УК РФ) и предусмотренное в нем положение «уголовной ответственности подлежит *только* (курсив наш. – *И.Т.*) вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим

Кодексом» (в их сочетании с предписанием ч. 1 ст. 14 УК РФ) не оставляют сомнения в оценке природы рассматриваемых деяний – это общественно опасные и запрещенные уголовным законом посягательства, которые, однако, не располагают всеми признаками преступления¹.

5. Представляется, что аналогичным образом может быть охарактеризована природа деяний, совершенных *невинно* (ст. 28 УК РФ). Российскому уголовному законодательству известны две формы вины – умысел и неосторожность (ч. 1 ст. 24, ст. 25–27 УК). Причем согласно ч. 2 ст. 27 УК деяние, совершенное только по неосторожности, «признается преступлением *лишь* (курсив наш. – И.Т.) в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Следовательно, в противном случае и при полном отсутствии вины *общественно опасное и запрещенное уголовным законом* деяние преступлением также не считается.

Таким образом, отграничение преступного от непроступного представляет собой важный элемент и разновидность уголовно-правовой квалификации. Признание деяния непроступным (констатация того, что в содеянном отсутствуют соответствующие признаки преступления) исключает наступление уголовной ответственности. Это непереносимое правовое последствие данного вида уголовно-правовой квалификации.

6. Уголовно-правовая квалификация может содержать юридическую оценку совершенного деяния в виде признания совершенного деяния *преступлением*. Эта оценка основывается на положениях ч. 1 ст. 14 УК РФ, однако всегда предполагает дальнейшую конкретизацию. Характеристика отдельных видов преступлений содержится в Особенной части УК РФ, поэтому обращение к ее предписаниям позволяет правоприменителю определить *вид* совершенного преступления. Иными словами, уголовно-правовая квалификация в этом случае обретает качество квалификации преступления.

Следовательно, уголовно-правовая квалификация как юридическая оценка природы содеянного может и не получать своего воплощения именно в квалификации преступления. Последняя представляет собой особую разновидность уголовно-правовой квалификации, поскольку ее отличительной чертой является указание на вид совершенного преступления, установление соответствия юридически значимых признаков содеянного признакам определенного состава преступления, предусмотренным УК РФ.

Это не всегда учитывается в теории уголовного права. «Квалификация преступления имеет место тогда, – пишет Л.Д. Гаухман, – когда правовая оценка содеянного в части отграничения преступного от непроступного приводит к констатации того, что содеянное является преступлением без или независимо от конкретизации его состава» [5, с. 13]. Думается, что здесь допускается неточность. В самом деле, если «конкретизация состава» не осуществляется, то в данном случае уголовно-правовая квалификация «имеет место» (содеянное

¹ Свойства социальной полезности и поощряемости (вознаграждаемости), не следует, на наш взгляд, признавать в полной мере тождественными. Не всякое социально полезное поведение в уголовном праве поощряется (вознаграждается). Более подробно по этому вопросу см. [9, с. 165].

признано преступлением), однако квалификации данного преступления не происходит, она «не имеет места»¹.

В литературе высказывается мнение, что добровольный отказ, понимаемый как прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействие), непосредственно направленных на совершение преступления, исключает признание ранее содеянного преступлением. Следовательно, юридическая оценка деяния в подобном случае представляет собой уголовно-правую квалификацию, а не квалификацию преступления. Такой подход нельзя признать плодотворным, ибо он не опирается на предписания действующего законодательства.

Согласно ч. 2 ст. 31 УК РФ лицо не подлежит уголовной ответственности за *преступление*, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения *этого преступления* до конца. Таким образом, содеянное лицом до добровольного отказа законодатель рассматривает именно как преступление.

Этот вывод подтверждается и предписанием, содержащимся в ч. 3 ст. 31 УК РФ, где предусматривается наступление уголовной ответственности, если фактически содеянное лицом «содержит *иной состав* (курсив наш. – И.Т.) преступления». Следовательно, не оконченное лицом деяние при добровольном отказе в любом случае должно рассматриваться как преступное. Исключение уголовной ответственности при наличии признаков добровольного отказа вызвано не отсутствием в ранее содеянном признаков соответствующего состава преступления, а стремлением законодателя к решению, содержащему в себе разумный компромисс: добровольный отказ является моделью уголовно поощряемого поведения, а уголовно-правовой наградой является исключение уголовной ответственности за следование ему.

Таким образом, юридическая оценка содеянного лицом при добровольном отказе представляет собой разновидность квалификации преступления. Она должна получить закрепление в соответствующем уголовно-процессуальном акте. Нерешенность рассматриваемого вопроса в теории уголовного права порождает отсутствие его должной регламентации в УПК РФ, который не предусматривает самостоятельного основания в отказе от возбуждения уголовного дела или его прекращения в случае установления признаков добровольного отказа (см. ст. 24 УПК РФ) [9].

Как отмечалось ранее, в литературе высказывается мнение, что самостоятельным видом уголовно-правовой квалификации следует считать квалификацию посткриминальных поступков (к примеру, самого факта добровольного отказа, поведения, выражающегося в злостном уклонении от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и др.).

Проблема определения правовой природы как позитивного, так и негативного посткриминального поведения продолжает в теории оставаться дискуссионной. Соответствующие модели поведения и их правовые последствия регламентируются именно уголовном законом. Поэтому можно согласиться, что

¹ На этом основании нельзя согласиться с мнением, что критериями отграничения преступного от не-преступного должны быть признаны только такие признаки, как общественная опасность и противоправность.

значительная их часть, в особенности посткриминальные уголовные правонарушения, подвергаются оценке в виде уголовно-правовой квалификации.

Summary

I.A. Tarkhanov. Criminal Law Qualification: Concept and Forms.

The article regards the concept and forms of criminal law qualification. Author's definition of qualification of crimes is presented. The paper also demonstrates qualification stages connected with stating the main elements of crime.

Key words: criminal legal qualification, qualification of crimes, formal elements of crime, ground for criminal responsibility.

Литература

1. *Толкаченко А.А.* Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Юнити; Закон и право, 2004. – 128 с.
2. *Сабитов Р.А.* Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. – М: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 144 с.
3. *Колосовский В.В.* Квалификационные ошибки. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 157 с.
4. *Благов Е.В.* Общая теория применения уголовного права. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2003. – 258 с.
5. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2005. – 457 с.
6. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – М.: Городец, 2007. – 336 с.
7. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юристъ, 2001. – 302 с.
8. *Кострова М.Б.* Малозначительное деяние в контексте межотраслевых связей // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы. – М.: ЛексЭст, 2005. – С. 253–257.
9. *Тарханов И.А.* Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 330 с.

Поступила в редакцию
07.05.09

Тарханов Ильдар Абдулхакович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Казанского государственного университета.

E-mail: itarhanov@mail.ru